

Бронзовый гость без вышиванки, или Бывший Ленин в восемнадцатом году¹

АЛЕКСАНДР
ДМИТРИЕВ

Вот вижу: памятник Ленину в Ташкенте
стоит
Неужели он и здесь жил?
— не похоже на вид.
Нет, скорее всего. А как умер —
так и живет...

Дмитрий Александрович Пригов

Праздничным днем 1 мая 1972 года 22-летний венгерский художник Балинт Сомбати гулял по улицам социалистического Будапешта с портретом Ленина в руках². Прохожие, вероятно, были удивлены зрелищем хипповатого длинноволосого юноши со знаком официоза на древке, объявившимся в столице социалистической Венгрии уже после окончания партийных торжеств, вне праздничных колонн — но задерживать эксцентричного одиночку «органы», кажется, не стали. Акционизм из соседней Вены уже активно проникал, в том числе через Югославию, в страны «восточного блока», тем более в «один из самых веселых барачков», по распространенной тогдашней шутке.

Лейтмотивом моего рассказа будут схожие по времени приключения образа Ленина в другой части Восточной Европы — в социалистическом Львове — и специфические, мало замечаемые исследователями, идейные контексты позднесоветской монументальной Ленинианы. Случай Украины важен не только примером отложенной декоммунизации, развернувшейся после трагических потрясений в ее новейшей истории. При этом

Александр Николаевич Дмитриев (р. 1973) — историк, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических исследований имени А.В. Полетаева Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

- 1 Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ. Первоначальный вариант текста был подготовлен для готовящегося к печати альбома «Lenin in L'viv» о советских памятниках Львова в рамках проекта Станислава Силантьева и Галины Хорунжей (см. выставку в Национальном художественном музее Киева «Львов: Союзники» (май–июнь 2017 года, <http://mitec.ua/lvov-soyuznik>). В статье использованы фотографии из этого альбома. Благодарю Марию Силину, Романа Абрамова, Михаила Габовича, Инну Булкину и Аллу Ермоленко за разнообразные советы и помощь.
- 2 См. про акцию «Ленин в Будапеште» (1972): PIOTROWSKI P. *In the Shadow of Yalta: Art and the Avant-Garde in Eastern Europe, 1945–1989*. London: Reaktion, 2009. P. 41–42; BRYZGEL A. *Performance Art in Eastern Europe Since 1960*. Oxford: Berg, 2017. P. 230–232. См. также ее анализ в статье Глеба Напреенко об искусстве как провокации на портале «Theory & Practice»: <https://theoryandpractice.ru/posts/10664-provocation>.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

БРОНЗОВЫЙ ГОСТЬ
БЕЗ ВЫШИВАНКИ...

Илл. 1. Балинт Сомбати.
«Ленин». Будапешт,
1972 год.

в самом Львове и в западных регионах республики демонтаж советских символов развернулся уже в 1990–1991 годах. Украина, с ее очень отличающимися друг от друга регионами, стала за последние четверть века местом наложения двух стратегий исторической коммеморации недавнего прошлого: антикоммунистической, иконокластической (по примеру стран Центральной Европы или Балтии) и преемственной (как в России, особенно после «реабилитации» прежнего гимна и советской символики в целом). Киевская исследовательница «ленинопада» Александра Гайдай выбрала для своей недавней книги о памяти Ленина в Центральной Украине название «Каменный гость», апеллируя к донжуанскому сюжету³. Легко ли львов-

3 Гайдай О. *Кам'яний гість. Ленін у Центральній Україні*. Київ: К. І. С., 2017.

ским жителям удалось ускользнуть от «каменной его десницы» на исходе 1980-х? И укладывается ли образ Ленина в шаблон тоталитарного вождя вроде Сталина или Ким Ир Сена без остатка?

Рискну сказать, что будь все именно так, акция Сомбати едва ли оказалась бы столь запоминающейся, выразительно сочетая художественную и идеологическую амбивалентность. И, разумеется, она читалась бы по-иному, случись на семь или десять лет раньше или позже. Если в «капиталистической» Европе или Северной Америке предметом передразнивания и художественной иронии уже с начала 1960-х стали символы потребительской цивилизации, то к востоку от ГДР ими стали скорее знаки идеологического обихода, которые еще только начали терять былую пропагандистскую силу. Соц-арт появился на свет той же весной 1972 года благодаря Виталию Комару и Александру Меламиду, то есть примерно десятилетием позже поп-арта, отчасти как его отражение в иной, (квази) коллективистской действительности. Оба этих течения стали преходящими феноменами авангарда⁴, к политическому и социальному утверждению которого пусть и нехотя приложил руку сам Ленин, дав футуристам возможность непосредственно влиять на художественное просвещение масс. Более того, ленинская «гимназическая» неприязнь к новейшим школам живописи или литературным практикам теперь задним числом позволяет его симпатизантам тем прочней диалектическим образом зачислять главу Совнаркома в число подлинно авангардных деятелей первого ряда⁵. Именно так делают многие авторы: от ироничного последователя Михаила Лифшица, Дмитрия Гутова, до другого известного уроженца Югославии – философа Славоя Жижека, автора книги «Хрупкий абсолют» (ссылаться при этом можно не только на советское искусство 1920-х, но и на сотрудничество сюрреалистов с коммунистами в межвоенной Франции⁶). Ироничной иллюстрацией/проверкой этого тезиса можно считать «Встречу двух скульптур (Ленин и Джакометти)» Леонида Сокова 1989 года.

Амбивалентность образа Ленина – последовательного революционера, горячего поборника эмансипации и просвещения,

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

БРОНЗОВЫЙ ГОСТЬ
БЕЗ ВЫШИВАНКИ...

4 Точкой схода можно считать картину «Ленин и кока-кола» (1982) советского эмигранта Александра Коновалова.

5 Эпатажная книга француза Доминика Ногеза «Ленин дада» (1989), переведенная на ряд европейских языков, опиралась на вольно интерпретированные факторы жизни Ленина в Цюрихе в 1916 году и последующие художественные мифы, предвосхитив акции Сергея Курехина. См. об историко-культурных реалиях этой «встречи»: SCHMID U. *Wie dada ist Lenin? Revolutionäre Kunstkonzepte und Gesellschaftsutopien in der russischen Avantgarde* // AMREIN U., BAUMBERGER CH. (Hg.). *dada. Performance & Programme*. Zürich: Chronos, 2017. S. 87–104.

6 WILSON S. «*La Beauté Révolutionnaire*»? *Réalisme Socialiste and French Painting 1935–1954* // *Oxford Art Journal*. 1980. P. 61–69; см. каталог представительной мадридской выставки: *Encounters with the 30s*. Madrid: Museo nacional Centro de arte Reina Sofía, 2012.

но одновременно и создателя режима, превзошедшего прежний жестокостью карательной политики и степенью контроля за недовольными, – задает характерный диапазон постсоветских его трактовок: от романтизации «великой исторической личности» до отвержения былого и надоевшего кумира. В новом веке эти «качели» отчасти погасило равнодушие или исчезновение тех, кто искренне верил в социалистический строй.

Но как можно перешучивать памятник, а не картину? Концептуалисты стали играть с обветшавшими смысловыми или каменными блоками не раньше середины 1970-х, на излете стремлений очеловечить «большой стиль». Советская скульптурная Лениниана, начало которой было положено еще при жизни вождя, оказалась частью им же одобренного плана монументальной пропаганды – а к его осуществлению, как известно, были причастны и многие творцы авангарда⁷. Потом, уже после расширения границ Советского Союза и зоны его влияния, с конца 1930-х годов монументы Ленина как часть нового официального пантеона тоже превратились в привычный элемент городского пейзажа и по сути перестали восприниматься в качестве произведений искусства⁸. И потому нынешний спор о советских образах Ленина – не просто дискуссия о судьбе мавзолея или тысячах памятников: он показательно колеблется между опривыченным обиходом и утраченным смыслом бытия. Это ведь не просто «сталинские высотки» – речь идет о ключевом элементе, замковом камне идеологии. Как мне представляется, полемика о значении Ленина и скульптурной Ленинианы сейчас – это разговор не столько об основателе СССР или наследии революции, сколько о «длинных 1970-х» от Пражской весны и ее подавления до перестройки. Кем и каким образ Ленина был *тогда* – в СССР, Украине и Львове?

Чуть раньше акции Сомбати украинский график Григорий Малаков (1928–1979) выпустил серию офортов «Ленин в Европе», где будущий лидер Октября предстал в знакомом антураже западных столиц как своего рода кочующий и неожиданный «гений места»⁹. У венгерского молодого концептуалиста, тесно связанного с более свободной югославской Воеводиной, плакат с Лениным «остранял» все более формализующиеся ритуалы господствующего культа проверкой на живую, спон-

7 Из многих советских работ стоит вспомнить статьи искусствоведа Анатолия Стригалева (1924–2015), знатока Татлина и немецкого искусства начала XX века: СТРИГАЛЕВ А. А. *К истории возникновения ленинского плана монументальной пропаганды (март апрель 1918 г.)* // *Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры*. М., 1976; Он же. *О памятниках республики. (История монументальной пропаганды)* // *Архитектура СССР*. 1978. № 4.

8 Электронный каталог памятников Ленину в уже глобальном масштабе пополняется на сайте московского культуролога Дмитрия Кудинова: www.leninstatues.ru.

9 Осенью 2017-го эти работы в частности выставлялись в музее Дмитрия Мамина-Сибиряка в Екатеринбурге: <https://afisha.rambler.ru/exhibitions/38092625-lenin-v-oktyabre-k-100-letiyu-velikoy-oktyabrskoy-revolutsii/>.

танную реакцию (но и сам формат акции как будто прибыл «с Запада»). А у достаточно признанного и зрелого киевского художника, подростком пережившего и голод, и двухлетние испытания немецкой оккупации¹⁰, Ленин, наоборот, как будто присваивал, одомашнивал старую и уже ушедшую Европу в рамках советского визуального канона.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

БРОНЗОВЫЙ ГОСТЬ
БЕЗ ВЫШИВАНКИ...

Илл. 2. Григорий Малаков. «На пятый съезд». 1970 год.

Дореволюционная эмигрантская эпопея вождя оказалась вполне пригодным способом разметки территорий, доступных подавляющему большинству советских людей только в воображении и на страницах книг. Зритель, которому предназначались офорты Малакова, мог легко вспомнить недавние травелоги из жизни уже опальных вождей вроде изданной многотысячным тиражом книжки «Лицом к лицу с Америкой» – о длительной поездке Хрущева в США в 1959 году. Сейчас эти гравюры способны вызвать скорее смех: Ленин кажется на них чистым мемом, почти балаганным трикстером, а сами они выглядят не очень ловкими упражнениями в передаче условно «знакомых» пейзажей европейских столиц. Но был ли Ленин всего лишь подходящим предлогом для заграничной командировки художника на Запад для знакомства с «натурой»? (Анатолий Кузнецов, тоже киевский подросток времен войны и автор книги «Бабий яр», сбежал в 1969 году на Запад, воспользовавшись как предлогом идеей написания книги о Ленине и Втором съезде РСДРП). «Ленин в Лонжюмо» Андрея Вознесенского или «Казанский университет» Евгения Евтушенко, как кажется, были художественными знаками более сложных стратегий обращения с современностью (если угодно, игры с новыми вождями):

10 Эти многочисленные рисунки Малакова опубликованы посмертно в книге его брата – киевского краеведа, см.: Малаков Д. *Оті два роки... У Києві при німцях*. Київ, 2002.

образ Ленина предъявлялся и отчасти противопоставлялся там современности именно как безупречный и общепризнанный стандарт и ориентир, разом и официальный, и «наш общий»¹¹. Критика Сталина в советских интеллектуальных кругах до времен пражского августа 1968 года, как правило, не затрагивала Ленина как последнего и главного оплота советской легитимности. Для оппозиционной интеллигенции очень долго внутренней опорой как раз и была связь с революционным движением и традицией, идущей от Герцена и декабристов (Шевченко и Драгоманова – в украинском случае)¹².

Отсылка к ленинским нормам или мнениям западных (в первую очередь французской и итальянской) компартий была важным оружием полемики со все еще влиятельными сталинистами накануне и после XXIII съезда КПСС (1966) – первого с момента свержения Хрущева. Столетие вождя с размахом было отмечено не только в СССР, но и в Восточной Европе (как и 50-летие октябрьской революции), а идейный образ Ленина до времен горбачевской перестройки остался неизменным, став одним из ключевых символов и обоснованием послесталинской стабильности. «Ленинским курсом» называлось нужное лишь пропагандистам и бесчисленным кабинетам партпросвещения многотомное собрание сочинений советского лидера Леонида Брежнева. Этот брежневский, или скорее сусловский (по имени главного идеолога), Ленин, лишенный своего прежнего близнеца-соратника Сталина, оказался единоличным и непререкаемым авторитетом подновленного идеологического пантеона. Притом такой Ленин (объявленный задним числом создателем советского марксизма-ленинизма) явно и подспудно противопоставлялся внутри антикапиталистического движения сразу и новым левым 1968 года, и все еще влиятельным троцкистам, и особенно опасным из-за ситуации на дальневосточных границах и в «третьем мире» китайским коммунистам¹³. Новые диссидентские движения в СССР к началу 1970-х все меньше связывали себя с защитой «настоящего лениниз-

11 О Ленине в литературе и изобразительных жанрах см.: Богданов К.А. *Vox populi: Фольклорные жанры советской культуры*. М., 2009. С. 195–203; Юстус У. *Вторая смерть Ленина* // Соцреалистический канон / Под ред. Х. Гюнтера, Е. Добренко. СПб., 2000. С. 926–952; Аболина Р.Я. *Ленин в советском изобразительном искусстве: живопись, скульптура, графика*. М.: Изобразительное искусство, 1987; Мильдон В. *Монолог для хора: двойник-призрак. Образы Ленина и Сталина в советском кино 30–40-х гг.* // Киноведческие записки. 1999. № 43; о позднем периоде: Зайцев Н. *Уроки экранной Ленинианы* // Искусство кино. 1980. № 4.

12 См. статью о политиздатовской серии «Пламенные революционеры», авторами которой были и Юрий Трифонов, и Владимир Войнович, и Василий Аксенов: JONES P. *The Fire Burns On? The Fiery Revolutionaries Biographical Series and the Rethinking of Propaganda in the Early Brezhnev Era* // Slavic Review. 2015. Vol. 74. № 1. P. 32–56.

13 В западной политологии название «ленинистских режимов» закрепилось за разными типами политического устройства на основе «авангардной партии» и важности пропаганды, включая и формально не связанные с СССР (югославский или даже тайванский). См.: JOWITT K. *New World Disorder: The Leninist Extinction*. Berkeley: University of California Press, 1992.

ма» и все больше делали упор на защиту гражданских прав или притязаний репрессированных народов. Именно этого надзирающего, «циклопического» и «совкового» Ленина и свергали бунтари конца 1980-х и их украинские последователи середины 2010-х.

Внутри СССР детально разбираться с наследием Сталина было небезопасно, памятники недавнему «вождю народов» окончательно исчезли лишь после второй волны десталинизации начала 1960-х. В соответствии с общим поворотом государства от классовых ценностей к общенародно-советским – и в отличие от китайских или албанских «леваков» – в пропаганде, идеологии и культуре упор был сделан на Ленина – государственного лидера, а не на Ленина – сокрушителя отживших порядков. Именно эти достаточно безликие образы – вроде «Ильича с кепкой» или «Ленина-оратора» – тиражировались в плакатах и монументальной скульптуре по многочисленным городам и весям советской страны; канон был сформирован еще в довоенное время в работах таких признанных мастеров жанра, как Андреев, Манизер или Томский¹⁴. При этом из многих памятников послевоенной эпохи почти совершенно ушел амбивалентный художественный посыл и оригинальность первых опытов скульптурной Ленинианы, которые диктовались модернистским прошлым ее авторов вроде уже упомянутого Николая Андреева или Сергея Меркурова¹⁵.

Именно Меркуров, снявший в январе 1924 года в Горках смертную маску с вождя, был автором главного городского монумента Ленину во Львове. Он был воздвигнут в январе 1952-го у оперного театра на переименованной в его честь центральной магистрали города (на сооружение памятника ушло более полутора миллионов рублей и – как узнали осенью 1990 года – ряд надгробий с еврейского кладбища¹⁶). На этом же проспекте располагался и недолговечный, на скорую руку сооруженный уже осенью 1939 года, вскоре после присоединения Западной Украины к УССР, многофигурный памятник сталинской конституции. Этот памятник, как и стоящий на том же проспекте монумент сталинской дружбы народов с 20-метровым обелиском, были разобраны буквально сразу после того, как город остави-

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

БРОНЗОВЫЙ ГОСТЬ
БЕЗ ВЫШИВАНКИ...

14 Тема скульптурной Ленинианы раскрыта довольно подробно в обзоре Марии Силиной «Владимир Ленин и советская мемориальная индустрия» (http://redmuseum.church/lenin_commemoration), а также в книге: Силина М. *История и идеология: монументально-декоративный рельеф СССР 1920–1930-х годов*. М.: БуксМАрт, 2014 (особенно с. 40–46).

15 Семенова Н. *История андреевской ленинианы: к формированию эстетики казарменного социализма* // Искусство. 1990. № 4.

16 Дяк С. *Творення образу Львова як регіонального центру Західної України: радянський проект та його урбаністичне втілення* // Схід–Захід: Історико-культурологічний збірник. Вип. 9–10. Харків, 2008. С. 75–86; ГЕНЕГА Р. *Радянське маркування львівського міського простору (1944–1953)* // Львів: місто – суспільство – культура. Львів, 2016. Т. X («Львів/Lwów/Lemberg як міські простори уявлення, досвіди, практики»). С. 219–248 (особенно с. 234–236).

Илл. 3. Памятник Ленину
во Львове. Скульптор
Спиридон Меркуров,
1952 год.

ли советские войска в конце июня 1941-го¹⁷. Впрочем, в истории Львова, не раз менявшего властителей в первой половине XX века (включая и русскую военную администрацию осени 1914-го – лета 1915 года), это были далеко не исключительные случаи демонтажа монументов.

Но, как отмечал внимательный исследователь локальной «политики памяти» Сергей Екельчик, с конца 1940-х годов в переменах городского пространства Львова при формальном первенстве Ленинианы и почитании новых героев (памятники солдатам-освободителям от гитлеровцев на Холме Славы)¹⁸ заметный акцент был сделан и на советское переприсвоение местных героев, как прежних, вроде Ивана Франко, так и новых, вроде возведенного в мученики писателя Ярослава Галана, убитого – по официальной версии – украинскими националистами в 1949 году (притом, что памятник Тарасу Шевченко появился в городе только после 1991 года)¹⁹. Позднее в городах советской Украины это отправление локальных культов продолжилось и наряду с часто стандартными памятниками Ленину также открывали монументы «своим» культурным деятелям, военачальникам и политикам: первопечатнику Федорову – во Львове (1977), Суворову (1950) или Ушакову (1957) – в Херсоне или адмиралу Макарову (1976) – в Николаеве, одному из инициаторов политики украинизации большевику Николаю Скрипнику (1969) – в Харькове²⁰.

К концу советской власти появлялись (хотя и нечасто) оригинальные памятники Ленину²¹; порой статуи вождя воздвигались уже не по отдельности, но становились ведущими элементами многофигурных композиций (как у монумента авторства Льва Кербеля на Калужской площади в Москве (1985) или от-

17 См.: Мельник І., Масик Р. *Пам'ятники та меморіальні таблиці міста Львова*. Львів: Апіріорі, 2012. С. 88, 98.

18 Екельчик С. *Імперія пам'яті. Російсько-українські стосунки в радянській історичній уяві*. Київ: Критика, 2008. С. 210–211. Памятник Франко (1964) напротив университета его имени был заметно больше монумента Ленину. При входе на сельскохозяйственную выставку во Львове (как и в Москве) в конце 1940-х был возведен – в паре с «близнечной» ленинской статуей – и монумент Сталину, снесенный в начале 1960-х после XXII съезда КПСС.

19 См. работы Александра Стыкалина, выполненные преимущественно на венгерском материале, но релевантные и для присоединенных в 1939–1940 годах территорий: Стыкалин А. *Советская пропаганда и настроения интеллигенции стран Центральной Европы (вторая половина 1940-х годов)* // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. М.: Наука, 2002. С. 38–60; *Интеллигенция Чехословакии и Польши как объект советской внешнеполитической пропаганды (вторая половина 40-х – 50-е гг.)* // Европейские сравнительно-исторические исследования. Вып. 1. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 251–263; *Советская культура в восприятии центрально-европейской интеллигенции (вторая половина 1940-х годов)* // Славяноведение. 2002. № 3. С. 13–22.

20 FOWKES R. *The Role of Monumental Sculpture in the Construction of Socialist Space in Stalinist Hungary* // CROWLEY D., REID S.E. (Eds.). *Socialist Spaces: Sites of Everyday Life in the Eastern Bloc*. Oxford: Berg, 2002. P. 65–84.

21 Особенно монумент в столице Бурятии Улан-Удэ, воздвигнутый к столетию Ленина – огромная голова вождя на квадратном постаменте.

крытого Владимиром Щербицким в 1977 году громадного памятника в честь октябрьской революции на центральной площади Киева²²). Все же этот монументальный жанр в советских условиях демократизации не поддавался. «Железный закон олигархии», функционально predeterminedное всевластие вождей в левом движении – о чем еще в начале 1910-х писал соратник Вебера, тогдашний социалист (а позднее фашист) Роберто Михельс, – провоцировал возникновение культа личностей даже тех лидеров, которых не заподозришь в симпатиях к Сталину – как Троцкий или Тито²³. Напомним, что первые монументы Ленину появились еще при его жизни²⁴.

В позднесоветском бытовании образа Ленина остается еще одна важная тема, которая редко учитывается большинством исследователей и авторов, пишущих в последние десятилетия. Речь идет о приватном или коллективном, или скорее полу- или неофициальном переживании и преломлении, господствующих идеологием. Советская идейная жизнь даже в 1970-е не сводилась к «большой» идеологии, ее все более пассивному усвоению или же тихому, негласному отторжению (эти две стороны акцентирует книга Алексея Юрчака «Все было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение», 2005)²⁵. На фоне растущей вариативности форм советской жизни в послесталинскую эпоху и отступления от пролетарских и революционных ценностей сохранение идейного стержня не могло сводиться только к ставке на лояльность²⁶. Документы идеологической работы партии и комсомола пестрят самокритическими оценками и выводами о необходимости преодолеть трафаретность, начетничество, оторванность от жизни тогдашней пропаганды²⁷. Исчезновение первоначального аскетизма и идейной убежденности, наступление старо-новых «обывательских» ценностей («вещизма» – на языке тогдашней журналистики) нужно было

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

БРОНЗОВЫЙ ГОСТЬ

БЕЗ ВЫШИВАНКИ...

22 Этот памятник работы Василия Бородея, Ивана Знобы и Валентина Знобы, начало сооружения которого восходит ко временам Шелеста, был разобран уже в сентябре 1991 года.

23 См.: REES E.A. *Leader Cults: Varieties, Preconditions and Functions* // APOR B., BEHREND J., JONES P., REES E. (Eds.). *The Leader Cult in Communist Dictatorships. Stalin and the Eastern Bloc*. London: Palgrave Macmillan UK, 2004. P. 3–26; REZNIK A.V. *Lev Trotskii as the Mirror of the Russian Revolution* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2016. Vol. 17. № 1. P. 181–191.

24 Тумаркин Н. *Ленин жив! Культ Ленина в Советской России*. М.: Академический проект, 1997; ЭННКЕР Б. *Формирование культа Ленина в Советском Союзе*. М.: РОССПЭН, 2011.

25 См. также: РОЖАНСКИЙ М.Я. *Разномыслие в условиях добровольной несвободы: поколение советских идеалистов* // *Разномыслие в СССР и России (1945–2008)* / Под ред. Б.М. Фирсовой. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. С. 180–208.

26 См.: *На идеологическом посту: 1960-е. Воспоминания сотрудников ЦК КПСС* // *Неприкосновенный запас*. № 4(60). 2008.

27 О том, как это виделось в частном порядке самим партийным чиновникам разных рангов и ориентиров, можно прочитать в их дневниках и мемуарах (ЧЕРНЯЕВ А.С. *Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991*. М., 2008); особенно показательны воспоминания видного киевского идеолога Александра Капто и фактического руководителя отдела пропаганды в 1970-е Георгия Смирнова: КАПТО А. *На перекрестках жизни: политические мемуары*. М.: Социально-политический журнал, 1996 (с. 86–87 о Львове и постановлении ЦК 1971 года); СМЕРНОВ Г.Л. *Уроки минувшего*. М.: РОССПЭН, 1997. С. 92, 109–137.

дополнить памятью о революционном прошлом и живым, индивидуальным отношением к базовым символам. Как и в период ослабления христианской веры, особенно в рационалистический XIX век, востребованным стало специфическое чувство непосредственного переживания и проживания господствующего мировоззрения, которое не должно было сводиться к чистому ритуалу. Отсюда и новая советская обрядность, вплоть до возложения молодоженами цветов к монументу Ленина или к памятнику павшим солдатам. Недаром такое большое внимание власти уделяли кинематографической Лениниане или попыткам представить в формате телесериала биографию молодого Маркса (1979) с ее романтическими мотивами²⁸. «Эмоциональное» в этом перезапуске ленинизма не противоречило «интеллектуальному», напротив, они скорее подчеркивали друг друга, вплоть до одновременно эксцентричных и правозверных «Четырех уроков у Ленина» (1963–1968) престарелой Мариэтты Шагинян – бывлой собеседницы Гиппиус и Рахманинова, с ее причудливым и почти шаржированным советским гётеанством. С 1960-х снятие «хрестоматийного глянца» становится серьезной формой освоения ленинского наследия у самых разных представителей высшей партийной интеллигенции, занятых легитимацией своих сценариев развития социализма – от «ищущих» консерваторов вроде Ричарда Косолапова до либералов Федора Бурлацкого или Александра Бовина. Несмотря на цензурные рогатки, Михаилу Шатрову удавалось широко печатать и ставить свои пьесы об ищущем и сомневавшемся Ленине и его соратниках²⁹.

Теплота подпитывалась индивидуальным интересом к главным сюжетам господствующей идеологии, биографиям и прошлому революционеров. До движения реконструкторов было еще далеко, и тем более важной была работа местных музеев, связанных не с давней или дворянской стариной (или военно-патриотической работой в связи с Великой Отечественной войной), а с историко-революционной тематикой, чаще всего – с деятельностью Ленина и его ближайших соратников³⁰. Действовали такие музеи (филиалы центрального московского) и во Львове, и в Киеве, где Ленин никогда не был. Львов был единственным нестоличным республиканским центром, где был свой

28 См. записки сценариста: ГРЕБНЕВ А. *Неизвестный Маркс в моей жизни* // Искусство кино. 1999. № 4. С. 126–143.

29 См.: РАСКАТОВА Е.М., МИЛОВЗОРОВА М.А. *Власть и художник в эпоху позднего социализма: парадокс М.Ф. Шатрова* // Социогуманитарные науки: XXI век. Вып. II. М.: МПГУ, 2009. С. 207–220 (<http://orparentnn.ru/censorship/russia/sov/libraries/books/?id=4663>); СЕМЕНОВА Н.В. *Травматический опыт героя в пьесах «оттепельной» ленинианы* // Русская литература. 2013. № 4. С. 234–239.

30 Об истоках и развитии этого жанра в Украине см.: *По ленинскому плану. Монументальная пропаганда на Украине в первые годы советской власти. Документы, материалы, воспоминания*. Киев, 1969; *Борцам Октября: Памятники революционной славы на Украине: Фотоальбом*. Киев: Мистецтво, 1977.

музей Ленина. Для проверки истории о том, что Ленин будто бы во времена пребывания в Кракове и Поронине заезжал во Львов, уже в конце 1960-х годов были созданы две специальные комиссии историков; в них входил и бывший подпольщик, многолетний директор филиала музея Ленина во Львове Богдан Дудкевич (1907–1972)³¹. Экспозиция музея с начала 1950-х размещалась в помпезном здании бывшего Промышленного музея Львова, возведенном еще в начале XX века неподалеку от Оперного театра (на пересечении центральных «осей» театра и музея и был поставлен монумент Меркурова). Однако почитание Ленина во Львове – а о нем осталось множество не только фото-, но и киносвидетельств – в перспективе последующих десятилетий оказалось весьма поверхностным, по сути подневольным и быстро сменилось массовым отвержением еще в перестройку, при том, что советизация культурной и социальной жизни региона была более глубокой, чем, скажем, в соседней Польше³².

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

БРОНЗОВЫЙ ГОСТЬ

БЕЗ ВЫШИВАНКИ...

Илл. 4. Львовский филиал Центрального музея В.И. Ленина.

Следует учитывать, что на Западную Украину (которая до 1918 года принадлежала Австро-Венгрии, а потом входила в состав Польши) не распространялась привычная для большинства регионов Союза включенность местного прошлого в историю бывшей Российской империи. Оставшийся после 1945 года без значительной части прежнего населения (евреев и переселенных поляков)³³ Львов заселялся местными крестьянами-укра-

31 AMAR T.C. *The Paradox of Ukrainian Lviv: A Borderland City between Stalinists, Nazis, and Nationalists*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2015. P. 285, п. 13. Частью городских легенд был приезд Ленина во Львов в клинику в связи с лечением «нехорошей болезни» (Мельник І., Масик Р. Указ. соч. С. 139).

32 См. представительный сборник документов, пока охвативший период до 1971 года (*Культурне життя в Україні. Західноукраїнські землі. Документи і матеріали*. Киев: Наукова думка, 1995–2006. Т. 1 (1939–1953); Т. 2 (1954–1965); Т. 3 (1966–1971)) и мемуары присланного во Львов «идеологического работника»: «Борьба с национализмом» и политическая история СССР 1960–1970-х годов. *Беседа Николая Митрохина с Вячеславом Александровичем Михайловым* // Неприкосновенный запас. № 4(78). 2011.

33 Misk S. *Incompatible Experiences: Poles, Ukrainians and Jews in Lviv under Soviet and German Occupation, 1939–44* // Journal of Contemporary History. 2011. Vol. 46. № 2. P. 336–363.

инцами из окружающих регионов, так что его советизация во многом совпадала с украинизацией. Это не было скоординированной кампанией и никак не равнялась масштабной политике украинизации второй половины 1920-х в Украинской ССР. Теперь речь шла скорее о дозированном приспособлении советского канона к местным условиям, и последние партийные руководители Львовщины от Хрущева до Горбачева (Василий Куцевол, брежневский выдвиженец Виктор Добрик, Яков Погребняк – все выходцы с Центральной Украины) так или иначе проводили эту линию, не забывая про «борьбу с национализмом» и формально ликвидированной униатской церковью.

Как выглядела память о Ленине и революции вне стен музеев? Одно из важных направлений «народного» отношения к Ленину – различные артефакты, художественные поделки с его изображениями или сюжетами из его биографии. Довольно широко присутствовал Ленин в 1960–1970-е, например на экслибрисах – в рамках «частновладельческой» инициативы³⁴. Перед нами уже не квази фольклорные плачи, лагерные татуировки с вождями или музей подарков Сталину³⁵, а более разносторонний феномен. Помимо ленинских комнат в казармах, возложения цветов к монументу Ленина, обязательного конспектирования его работ, нужно помнить и о добровольном и заинтересованном обращении к классикам марксизма-ленинизма³⁶. Этот просветительский пафос, чувство причастности к Большой Истории, жили в «советских идеалистах» достаточно долго. Так, в период перестройки пытались сделать героиней пропаганды московскую учительницу музыки Наталью Морозову – энтузиастку самостоятельного изучения «синих томов» собрания сочинений Ленина³⁷. Наблюдаемые у соседей по соцлагерю культы живых лидеров вроде Чаушеску или Ким Ир Сена в позднесоветские времена воспринимались большинством как явно избыточный и гротескный феномен, напоминающий о сталинизме. Относительно таких эксцессов привычное почитание уже достаточно давно ушедшего Ленина было своего рода константой. То, что Горбачев вплоть до самого конца партийной карьеры апеллировал к Ленину, не было чистой симуляцией, а продолжало постсталинские правила сознательной и искренней стратегии: поиск у основоположника указаний на правильность очередного по-

34 См. публикации Эдуарда Гетманского об экслибрисной Лениниане и ее становлении: <http://suzhdenia.ruspole.info/node/7596>.

35 *Дары вождям. Каталог выставки* / Сост.: Н.В. Ссорин-Чайков, О.А. Соснина. М.: Пинакотека, 2006.

36 В связи с педагогическими «коммунарскими» утопиями 1960-х см.: Димке Д. *«Памяти павших будьте достойны»: практики построения личности в утопических сообществах* // Социология власти. 2014. № 4. С. 97–116.

37 Морозова Н.П. *Любимые книги*. М.: Политиздат, 1989. После 1991 года Морозова несколько лет издавала газету «Верность Ленину» и была близка наиболее консервативным кругам КПРФ.

литического поворота на пути в будущее³⁸ с сохранением отсылки к революции.

Во Львове это обращение к местному революционному прошлому и непосредственное переживание советской идеологии было затруднено цензурными препятствиями и историческими обстоятельствами: память о собственном левом движении межвоенного времени была вытеснена репрессиями против Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ), созданной еще в 1920-е годы³⁹. По Рижскому договору эта территория отошла к Польше, которая проводила политику ограничения украинского национального движения, центром которого была Галичина. Многие активисты из западноукраинской интеллигенции, переехавшие в Советскую Украину на волне поощряемой большевиками политики коренизации, уже к концу 1920-х годов попали в немилость; большинство из них были вскоре репрессированы⁴⁰. В отличие от Прибалтики или будущей Восточной Европы, новым властям в присоединенной Западной Украине приходилось опираться не столько на единомышленников, сколько на кадры с Восточной, советской, Украины и скорее на местных лоялистов, чем на революционеров⁴¹. Ведь среди последних было множество заподозренных в уклонах, троцкистских симпатиях и прочих политических ошибках⁴². Даже после политической реабилитации КПЗУ львовским историкам, занимающимся радикальными движениями времен Первой мировой войны или недолго существовавшей Западно-Украинской народной республикой – например Александру Карпенко (1921–2013), – приходилось на протяжении 1960-х годов сталкиваться с критикой местных властей и чиновников из Киева, а также с обвинениями в реабилитации буржуазного национализма⁴³. В особенности отличался этим один из руководителей

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

БРОНЗОВЫЙ ГОСТЬ

БЕЗ ВЫШИВАНКИ...

38 См.: Фокин А. *«Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов*. М.: РОССПЭН, 2017.

39 О специфике советизации Львова и характерных чертах местной лояльности советскому проекту см.: Risch W.J. *The Ukrainian West: Culture and the Fate of Empire in Soviet Lviv*. Cambridge: Harvard University Press, 2011; специально о сфере образования: СВОРАК С. *Народна освіта у західноукраїнському регіоні: історія та етнополітика (1944–1964 рр.)*. Київ: Правда Ярославичів, 1998.

40 Рубльов О.С. *Західноукраїнська інтелігенція у загальнонаціональних політичних та культурних процесах (1914–1939)*. Київ: Ін-т історії НАНУ, 2004.

41 Это подчеркивает современная польская исследовательница, писавшая про этот период сквозь призму истории львовской интеллигенции и семейной памяти: ГНАТЮК О. *Відвага і страх*. Київ: Дух і літера, 2015; см. также: Луцький О. *Інтелігенція Львова (вересень 1939 – червень 1941 рр.)* // *Львів: місто – суспільство – культура*. Львів, 1999. С. 574–591.

42 Стародубець Г. *Місіонери червоної влади (партійно-радянська номенклатура західноукраїнських областей в 1944 – на поч. 1946 рр.)*. Житомир, 2016. Более широкий контекст, в том числе для постсталинского периода, описан в пространной монографии: КИРИДОН П.В. *Правляча номенклатура Української РСР. (1945–1964 рр.)*. Полтава: ТОВ «АСМІ», 2012.

43 КАРПЕНКО О. *Деякі питання історії Комуністичної партії Західної України (1924–1925 рр.)* // *Український історичний журнал*. 1958. № 3. С. 83–96; МАШОТАС В. *Комуністична партія Західної України: бібліографічний показник матеріалів і публікацій за 1919–1967 рр.* Львів: Каменяр, 1969; ПЕНДЗЕЙ І. О.Ю. *Карпенко та радянська історіографія ЗУНР* // *Український історичний журнал*. 2015. № 3. С. 137–

местного обкома Валентин Маланчук (1928–1979), уже в 1970-х, при Щербицком ставший секретарем украинского ЦК по идеологическим вопросам. Он был вдохновителем гонений против диссидентов и ярким критиком «уступок националистам» со стороны бывшего опального первого секретаря компартии Украины Петра Шелеста⁴⁴. Несмотря на усилия подобных ревнителей, во Львове характерного для советского мейнстрима устойчивого сращивания низовой эмоциональной лояльности (включая «оживление» новой обрядности) и просветительства (часто технократического плана) так и не случилось.

К концу 1980-х «народные» или семейные отсылки к наследию ОУН и борьбе повстанцев среди интеллигенции и политически активного населения Львова уже во многом заменили дозированную память о КПЗУ (хотя перестроечные работы о местных коммунистах межвоенного времени еще продолжали выходить⁴⁵). Борьба с ревизионизмом выхолостила официальный культ Ленина и лишила его индивидуализированной подпитки снизу, и для большинства «национал-коммунизм» оценивался скорей как неизбежный переходный пункт к нормальному национализму (с оглядкой на соседей по соцлагерю⁴⁶). В отличие от Москвы, искренних сторонников «социализма с человеческим лицом» в Западной Украине, судя по всему, оставалось немного. Особенно значима для региона была и история польской «Солидарности», и пример стран Балтии – 22 января 1990 года, в годовщину акта объединения ЗУНР и УНР (1919), живая цепь участвующих в акции «Украинская волна» соединила Львов, Ивано-Франковск, Житомир и Киев, но не дошла до Харькова, Днепропетровска и Донецка (всего в этой демонстрации участвовали более полумиллиона человек)⁴⁷. Характерны скептические трактовки, появившиеся в украинской прессе 1990 года, наследия уроженца Львова Романа Роздольского (1898–1967) – одного из видных активистов КПЗУ, узника нацистских лагерей, признанного в Народной Польше историка аграрных отношений в Галиции XVIII–XIX веков⁴⁸. Роздольский после 1945 года жил в США, был

153; Мищак І. *Інкорпорація та радянізація західноукраїнських земель (1939 – початок 1950-х рр.): історіографія*. Київ: Інститут законодавства Верховної ради України, 2010.

44 Якубець О.А. В. *Щербицький та ідеологія: до питання щодо причин «маланчуківщини»* // Український історичний журнал. 2014. № 5. С. 107–125.

45 Сливка Ю. *Сторінки історії КПЗУ*. Львів: Каменяр, 1989; *Борці за возз'єднання: біографічний довідник* / Под ред. Ю.Ю. Упорядника. Львів: Каменяр, 1989.

46 Woznowski Z. *The Near Abroad: Socialist Eastern Europe and Soviet Patriotism in Ukraine, 1956–1985*. Toronto: Toronto University Press, 2017.

47 Омельченко О.В., Муравський О.І. *Відновлення національної пам'яті про ЗУНР опозиційними силами в УРСР наприкінці 80-х рр. XX ст.* // Національна та історична пам'ять. 2013. Вип. 6. С. 157–163 (http://nbuv.gov.ua/UJRN/Ntip_2013_6_1).

48 См. о Роздольском: MUSSACHIA M. *Roman Rosdolsky: Man, Activist and Scholar* // Science & Society. 1978. Vol. 42 № 2. P. 198–218.

тесно связан с троцкистским движением и прославился как оригинальный и глубокий исследователь «Капитала» и работ Маркса и Энгельса по национальному вопросу⁴⁹. В «центре» еще продолжали спорить о моделях социализма, борьбе Бухарина и Троцкого, обсуждать оттепельный по духу роман-гротеск Анатолия Злобина «Демонтаж» (о сносе циклопического памятника Сталину), напечатанный в 1989 году. А в Западной Украине многим статусным интеллектуалам межвоенный идеолог национализма Дмитрий Донцов тогда оказался понятнее и в целом ближе «левака» Роздольского или пионеров советской украинизации⁵⁰.

При том, что именно советская власть способствовала украинизации Львова, там еще до завершения перестройки оставалось немного защитников ее идей и символов. В период перестройки воображаемая память о галицких князьях или полусказочном Франце-Иосифе для новых историко-культурных движений типа «Товариства Лева» оказалась куда важнее истории межвоенных левых активистов и сторонников КПЗУ. Ленин и подавно осознавался не как борец с Российской империей, но как главный символ империи новой, советской – символ навязанный, чуждый и враждебный. Реальные обстоятельства и события 1939 года или долгие послевоенные перипетии сосуществования национального и коммунистического векторов уже мало что значили. Для России конца 1980-х главными феноменами культурного, а не только политического развенчания Ленина стала не эмигрантская книга Александра Солженицына «Ленин в Цюрихе», в которой масштаб и авторитет идеологического протагониста еще очевиден, а ерническая повесть «Жизнь с идиотом» Виктора Ерофеева (и созданная по ней опера Альфреда Шнитке), а также «Моя маленькая Лениниана» Венедикта Ерофеева – написанный в 1988 году для парижского «Континента» коллаж цитат из Ленина и переписки его соратников. Волна критики ленинизма, уже не сдерживаемая цензурой, довольно быстро изменила прежний сакральный статус основоположника советского государства, а кризис социалистической экономики привел к выводу о невозможности и дальше искать рецепты выхода в нэповском прошлом. И в Прибалтике, и в Западной Украине, и в Закавказье характер-

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

БРОНЗОВЫЙ ГОСТЬ

БЕЗ ВЫШИВАНКИ...

49 См.: *Шлях Романа Роздольского* // Молодь України. 1991. 20 липня. С. 2. Автором этой статьи был один из ведущих экономических экспертов Руха, профессор Вениамин Сикора (1940–2004).

50 Об официальной кампании против ОУН: ERLACHER T. «Denationalizing Treachery»: *The Ukrainian Insurgent Army and the Organization of Ukrainian Nationalists in Late Soviet Discourse, 1945–85* // Region: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia. 2013. Vol. 2. № 2. P. 289–316. Особенно выделялись многочисленные «историко-документальные» публикации Клима Дмитрука (псевдоним Евстафия Гальско-го – прежнего высокого чина КГБ, непосредственного борца с УПА и следователя по делам украинских диссидентов) с разоблачением «фашистов в сутанах»: ДМИТРУК К.Е. *Уніатські крестоносці: вчора і сьогодні: Греко-католицька церква на землях України і Білорусії*. М.: Политиздат, 1988.

ные формы советского просвещения (с опорой на ленинские «синие тома» и «закрытые данные» лекторов общества «Знание») в застойные годы явно пользовались меньшей поддержкой и живым интересом снизу, чем в РСФСР⁵¹. Многое решало наличие своей спрятанной несоветской традиции или памяти о репрессиях: в случае Львовщины это разгром разветвленного «националистического» подполья с массовыми высылками в Сибирь вплоть до начала 1950-х и сохранение катакомбной греко-католической церкви⁵². А с открытием «исторической правды» после 1988 года – от перепечаток работ эмигрантов или репринтов давних работ запрещенных авторов вроде Михаила Грушевского – неофициальное обращение к наследию ленинизма довольно быстро теряло остатки прежнего влияния⁵³. Успехи социальной политики советской власти за послевоенные десятилетия или лояльность брежневских времен так и не сделали Ленина «своим»⁵⁴, он остался для большинства жителей Западной Украины незванным гостем. Еще на идеологическом совещании в обкоме партии летом 1971 года ректор львовского Института прикладного и декоративного искусства Валентин Борисенко (сам бывший автором множества памятников Ленину и украинским национальным героям) сетовал, что ко многим подобным «поставленным чисто формально» монументам в области буквально «заросли дорожки», ведь «когда возводят памятник, он должен жить с нами, исполнять свою роль, свою обязанность»⁵⁵.

По сравнению с былым энтузиазмом «правильного ленинизма» середины 1960-х⁵⁶ в следующих советских поколениях господствовал скептицизм и ставка на неучастие. Особенно ярко это проявилось не в центре, а в советских республиках. Не случайно у юных героев-рижан нашумевшего перестроечного документального фильма Юриса Подниека «Легко ли

51 См.: БАЖАН О.Г., ДАНИЛЮК Ю.З. *Опозиція в Україні (друга половина 50-х – 80-ті рр. ХХ ст.)*. Київ, 2000; ДАНИЛЕНКО В.М., СМОЛЬНИЦЬКА М.К. *Шлях до незалежності: громадські рухи й суспільні настрої в УРСР другої половини 1980-х рр.* // Український історичний журнал. 2011. № 4. С. 4–22.

52 См. документальные материалы в серии: www.reabit.org.ua/books/lv/; БОЦЮРКІВ Б. *Українська Греко-Католицька Церква в катакомбах (1946–1989)* // Он же. *Ковчег. Збірник статей з церковної історії*. Львів, 1993. С. 123–164; МУРАВСЬКИЙ О. *Західні землі України: шлях до незалежності*. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2011.

53 См. раздел, посвященный 1970–1990 годам в авторитетном региональном журнале «Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність» (2013. Вип. 23) (статьи А. Луцкого, Б. Шумиловича, О. Муравского и др.).

54 О первых советских поколениях во Львове и Украине: ГЕНЕГА Р. *Викладачі та студенти Львова в перше повоєнне десятиліття* // Львів: місто – суспільство – культура. Львів, 2007. Т. 6. С. 593–607; ХОМЕНКО Н. *Суспільно-політичні настрої молоді* // Соціальні трансформації в Україні: пізній сталінізм і хрущовська доба / Под ред. Н.О. ЛААСА. Київ: Інститут історії України, 2014. С. 318–342.

55 *Культурне життя в Україні...* Т. 3. С. 648.

56 ДМИТРИЕВ А. *Сердечное слово и «республиканский уровень»: советские и украинские контексты творчества Василия Сухомлинского* // *Острова утопии: педагогическое и социальное проектирование послевоенной школы (1940–1980-е)* / Ред.-сост. И. Кукулин, М. Майофис, П. Сафронов. М.: Новое литературное обозрение, 2015. С. 307–340.

быть молодым» (1986) так подчеркивается отсутствие какой-либо связи с «красными латышскими стрелками», перед монументом которым они несут свой караул. Памятник стал истуканом, ритуал коммунистической веры лишился необходимой интеллектуальной и эмоциональной составляющей.

Партийные руководители Львовщины проиграли первые выборы народных депутатов еще в начале 1989 года⁵⁷, а местные Советы оказались в руках национал-демократов (часть из них еще сохраняла членство в КПСС) уже весной следующего года. Первый памятник Ленину в регионе был демонтирован усилиями не львовских студентов или «среднего класса», но в результате экономически мотивированных стихийных протестов – в шахтерском Червонограде на Львовщине 1 августа 1990 года⁵⁸. В начале сентября того же года музей Ленина во Львове – к тому времени принявший более восьми миллионов посетителей – был заблокирован местными активистами. 14 сентября 1990 года, после многотысячных митингов, несмотря на формальную угрозу санкций со стороны все еще коммунистического Верховного Совета Украины, меркуровский монумент Ленина был с одобрения львовского горсовета во главе с Вячеславом Чорноволом демонтирован⁵⁹. Попытки спасти Ленина как общесоюзного патрона перестройки и гаранта преемственности и целостности федерации (Указ президента СССР «О пресечении надругательства над памятниками, связанными с историей государства, и его символами» от 13 октября 1990 года) сошли на нет уже к весне-лету следующего года, последнего для СССР⁶⁰.

Статуи Ленина в большинстве союзных республик (кроме Белоруссии) исчезли с центральных площадей еще в 1990–1991 годах – включая и поминаемый Приговым памятник в Ташкенте⁶¹. Что же осталось от ленинизма в реальной политике? Компартии ставших независимыми Украины или России охотней апеллиро-

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

БРОНЗОВЫЙ ГОСТЬ

БЕЗ ВЫШИВАНКИ...

57 См. о поисках компромиссов старых и новых властей региона в первые месяцы 1990 года: Погребняк Я.П. *Не предаю забвению: политические мемуары*. Київ: Артэк, 2004. С. 253–255. Подробнее о последних руководителях львовского обкома – опытным посланце Киева Погребняке и сменившем его в апреле более консервативном руководителе горисполкома Секретарюке: Яков Погребняк. *Социально-психологический портрет лидера*. Николаев, 2013; Вячеслав Васильович Секретарюк: Людина, яку пам'ятатимуть. Київ, 2009.

58 Сохранились документальные кадры этого демонтажа: Семків В. *Падай, Леніне, падай* // Zbruch. 2015. 10 серпня (<https://zbruc.eu/node/40061>).

59 Гайдай О. *Кам'яний гість...* С. 66–68.

60 Дорожить духовным достоянием [Коммюнике заседания Секретариата ЦК КПСС] // Правда. 1990. 16 августа. См. изданный в 1991 году усилиями Галины Бариновой (она отвечала в ленинградском обкоме за идеологию) дайджест проленинских статей, включая интервью скульптора Кербеля: О Ленине – правду (дайджест прессы). Л.: Лениздат, 1991.

61 См. попытку обзора за минувшую четверть века: FOREST B., JOHNSON J. *Monumental Politics: Regime Type and Public Memory in Post-Communist States* // Post-Soviet Affairs. 2011. Vol. 27. № 3. Р. 269–288. О постсоветских экзотических практиках «консервации» памяти в украинском Крыму: Калинин И. *Ихтиомеланхолия, или Погружение в прошлое* // Неприкосновенный запас. 2013. № 3(89). С. 279–293.

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ
БРОНЗОВЫЙ ГОСТЬ
БЕЗ ВЫШИВАНКИ...

вали к сталинскому или брежневскому «реальному социализму», чем к ленинской революционности, а в странах Балтии или Польше старо-новые левые опирались в первую очередь на идеи социал-демократии или собственные традиции начала XX века, принципы Каутского, Бернштейна или даже Люксембург (которая перед смертью критиковала авторитарные черты ленинизма и большевизма). У монументов Маркса был шанс устоять в объединившейся Германии, в то время как памятники Ленину однозначно интерпретировались как знаки чужого, внешнего присутствия. Название «восточноберлинского» фильма «Гуд бай, Ленин» (2003) стало нарицательным для обозначения прощания с социалистическим прошлым, а «остальгия» бывших жителей ГДР касается в первую очередь потребительских сторон прежней, все более далекой, жизни.

Илл. 5. 6. Митинг перед Львовским оперным театром 14–15 сентября 1990 года.

Чжоу Энляю, китайскому многолетнему премьеру времен Мао, приписывают загадочный, неожиданный для марксиста и коммуниста, весьма ироничный ответ на вопросы западных корреспондентов о значимости Французской революции: «Сейчас еще рано об этом говорить». В год столетия революции в России и Украине гораздо больше вспоминают о Николае II и Бандере или о Сталине и Грушевском. Лидер революции 1917-го как будто остался в тени «долгих процессов» истории. Антикоммунистические революции с пылом ранних советских неофитов избавлялись от вещественных символов и монументов предыдущего режима – как было когда-то со многими памятниками царям и императорам (можно вспомнить и памфлет Малевича «Бог не скинут»). И процесс этот начался с февраля 1917 года, еще до прихода большевиков к власти⁶². Вообще сам образ разбитого памятника, восходящий к поверженным статуям царей в Ветхом Завете, был востребован в послереволюционной эстетике 1920-х, особенно в кино. Как пронизательно указал Михаил Ямпольский, в киноэкспозиции Эйзенштейна (в фильме «Октябрь») знаменитый образ Ленина-трибуна с его способностью притягивать толпу – с отсылкой к монументу у Финляндского вокзала – является своего рода ответом на навязчивый начальный кадр разрушаемого и вдруг собирающегося заново памятника Александру III в той же картине⁶³.

Здесь уместно вспомнить содержательную статью Алексея Юрчака об амбивалентности образа Ленина в 1990 году⁶⁴. Активный участник событий тех лет, один из интеллектуальных лидеров демократического движения, историк Леонид Баткин, вспоминал впоследствии комичный эпизод, когда один из руководителей КГБ Филипп Бобков на конспиративной квартире в центре Москвы по собственной инициативе встречался с ним и активистами Межрегиональной депутатской группы, настойчиво прося: «Только Ленина не трогайте!». Такой Ленин-оберег явно себя не оправдал. Был ли шанс у перестроечного Ленина выстоять – не как у монумента, но как важной исторической фигуры? Ведь ключевой для коммунистов-реформаторов непознанный Ленин оказался довольно быстро сменен в качестве кумира на Столыпина и сторонников свободного предпринимательст-

62 О многих утраченных памятниках имперского периода: САВЕЛЬЕВ Ю.Р. *Власть и монумент. Памятники державным правителям России и Европы. 1881–1914*. СПб., 2011.

63 Ямпольский М. *Разбитый памятник* // Киноведческие записки. 1997. № 33. С. 6–11. Ср.: YAMPOLSKY M. *In the Shadow of Monuments* // CONDEE N. (Ed.). *Soviet Hieroglyphics: Visual Culture in Late Twentieth-Century Russia*. Bloomington: Indiana University Press, 1995. P. 93–112. О прочтении иконоклазма у Пудовкина: МАЛИКОВА М. *Об одной ошибке Вальтера Беньямина* // Юрьев день: сборник статей в честь 60-летия Юрия Цивьяна. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 201–206.

64 Юрчак А. *Если бы Ленин был жив, он бы знал, что делать* // Новое литературное обозрение. 2007. № 83.

ва⁶⁵. Новым национально ориентированным силам в прежних советских республиках Ленин нужен не был, хотя один из идейных вдохновителей украинского «Руха» Иван Дзюба стал знаменитым в середине 1960-х, написав большой и быстро распространившийся в СССР трактат «Интернационализм или русификация?» (1965), где противопоставлял правильную национальную политику ленинских времен репрессиям и «извращениям» последующих лет⁶⁶.

Специалист по Ренессансу Баткин еще в важнейшие для него годы работы в родном Харькове (конец 1960-х) специально отметил – для себя, в стол – огромную значимость Ленина в русской истории, увидев в нем своего рода симбиоз Пугачева и Штольца. Главным его творением Баткин называл «забытую (или всеми высмеиваемую)» книгу «Государство и революция», повторяя и подчеркивая, что речь идет не об идеологической обманке:

«Да, несравненная ленинская книга, единственная в своем роде среди всех других его книг, это – хотя и логическое по форме – мечтание. Во всяком случае эта не умершая поныне идея забегает на сотни и сотни лет вперед. Она жива и, полагаю, будет жить. Ее подпитывают как раз расширяющиеся возможности вестернизированного неокapитализма... Эта столь неожиданная книга, глубоко искренняя, показывает, что сам Ленин напряженно размышлял – в разгар схватки не на жизнь, а на смерть, с непредрежденным исходом! – о величайшем и парадоксальном противоречии революции, которой был безоговорочно предан»⁶⁷.

Этот вопрос об идеале и власти, о цели и средствах не сходил с повестки дня левого движения последних двух веков. В фигуре Ленина историк должен поймать момент, когда, по словам Юрия Тынянова, «еще ничего не было решено»⁶⁸. Уловить текучую и трагическую непременную двойственность революционера и государственного деятеля (как Че Гевара), где союз – знак не тождества, но противоположности. Ведь свою книгу Ленин писал в Разливе, надеясь сокрушить государство и уж точно не рассчитывая на «бронзы многопудье». Во Львове (и не только) осенью 1990 года свергали памятник

65 См. детальней: Кирчик О. *История как экономика, или Путешествие из 1921-го в 1906-й через 1990-й* // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 395–411.

66 Сочинение Дзюбы было опубликовано силами эмиграции лишь за границей, а арестованного автора угрозами и посулами заставили от него в начале 1970-х, во времена «маланчуковщины», публично отмежеваться. Специально об Украине времен перестройки см.: Касьянов Г. *Украина – 1990: бои за историю* // Новое литературное обозрение. 2007. № 83. С. 76–93.

67 Баткин Л.М. *Эпизоды моей общественной жизни: Воспоминания*. М.: Новый хронограф, 2013.

68 О современных спорах российских авторов см. обзорную книгу: КОТЕЛЕНЕЦ Е.А. *Битва за Ленина. Новейшие исследования и дискуссии*. М.: АИРО-XXI, 2017. Отметим и итоговые труды историка Евгения Плимака и его венгерского коллеги Тамаша Крауса: Плимак Е. *Политика переходной эпохи: опыт Ленина*. М., 2004; КРАУС Т. *Ленин. Социально-теоретическая реконструкция*. М.: Наука, 2011.

революционеру или в первую очередь основоположнику тоталитарного государства? Ведь эти две ипостаси и тогда и теперь многим кажутся сращенными, подобно сиамским близнецам.

Вероятно, один последних монументов Ленину в Советском Союзе был открыт 22 апреля 1991 года в поволжском городе Балакове, эта статуя была эвакуирована трудами деятельного депутата-коммуниста из украинской Жовквы на Львовщине (тогда город назывался Нестеров), с территории уходящей воинской части. В 1992 году в уральский город Талицу отправился и львовский памятник советскому разведчику Кузнецову (как почти полувеком ранее, в конце 1940-х, были увезены из Львова на запад и установлены в разных городах Народной Польши монументы королю Яну III Собескому, писателям Александру Фредро и Корнелию Уейскому)⁶⁹. Формула сохранения монументов под девизом «и это тоже часть нашей общей истории» оказывается слишком растяжимой, чтобы во всех случаях срабатывать безотказно. В последние десятилетия публичные пространства – при всех разговорах о «пост-политическом» – оказались захвачены политикой памяти едва ли не больше, чем в эпоху авторитарных диктатур, даже в признаваемых вполне демократическими странах вроде США⁷⁰. В Украине с конца 2013 года уцелевшие на большей части страны памятники вождю революции стали свержать сначала стихийно, а потом – на основании государственного закона о коммунистической символике⁷¹.

Известность получила история с монументальным памятником Ленину в Запорожье: осенью 2014 года статую одели в огромную вышиванку, но даже эти остроумные жесты не спасли ее полтора года спустя от закона о декоммунизации. Пока на всякую память находится своя контрпамять, и монументы продолжают не только официально строить или возводить частным порядком, но также свержать, портить, заворачивать и переодевать, ломать или перекрашивать. Или переделывать вовсе, как это сделал в Бухаресте начала 2010-х скульптор Костин Ионицэ, заменив голову стандартного ленинского монумента хтонической Гидрой⁷². Москвич Витас Стасюнас с помощью обломков статуй Ленина из мастерской знаменитого Николая Томского собрал своего кинетического

АЛЕКСАНДР ДМИТРИЕВ

БРОНЗОВЫЙ ГОСТЬ
БЕЗ ВЫШИВАНКИ...

69 Однако ряд польских памятников был тогда также утрачен безвозвратно: Мельник И., Масик Р. *Указ. соч.* С. 181.

70 См. материалы представительного сборника: *Историческая политика в XXI веке* / Под ред. А. Миллера, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение, 2012; см. также: MARPLES D. *Heroes and Villains: Creating National History in Contemporary Ukraine*. Budapest: Central European University Press, 2007.

71 ГАЙДАЙ А.Ю., ЛЮБАРЕЦ А.В. «Ленинопад»: избавление от прошлого как способ конструирования будущего (на материалах Днепрпетровска, Запорожья и Харькова) // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2016. № 2(33).

72 PREDA C. «Project 1990» as an Anti-Monument in Bucharest and the Aestheticisation of Memory // *Südosteuropa*. 2016. Vol. 64. № 3. P. 307–324.

и страшноватого «Чистильщика» (1992), где бронзовая кепка Ленина, движущаяся совершенно механически, будто бы наводит блеск на его же ботинок, совершенно без участия их общего владельца.

В 2004 году современный литовский художник Деймантас Наркявичюс снял фильм «Однажды в XX веке», где обратной перемоткой и монтажом кадров недавней хроники демонтаж статуи Ленина словно бы превращался в ее восстановление (в сопровождении неизменного энтузиазма толпы) – вторя упомянутой выше сцене из фильма Эйзенштейна. Эта видео-композиция стала одним из популярных символов новейшей культуры Восточной Европы, переживания и презентации ее противоречивого исторического опыта⁷³. В XXI веке холст или негатив, дигитальное изображение оказывается прочней бронзового или каменного монумента. Можно только гадать, захочет ли художник будущего с портретом основателя СССР на древке снова пройти по улицам и проспектам какой-либо восточноевропейской столицы. Кажется, сейчас ему серьезней, чем пятьдесят лет назад, придется учитывать настроения и инструкции стражей порядка.

73 См.: http://post.at.moma.org/content_items/739-deimantas-narkevicius-once-in-the-xx-century. Подробнее о художнике см.: ЛАЗАРЕВА Е. *Деймантас Наркявичюс, его истории и его История* // OpenSpace. 2011. 30 сентября (<http://os.colta.ru/art/projects/8136/details/30622/>).